

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 8

**Санкт-Петербург
2009**

Н.С. Широкова
Британское сопротивление в войне с
Римом после похода Клавдия (43 г.):
Каратак и Боудикка

1. Каратак – вождь британского
сопротивления (47–51 гг.)

Образование римской провинции на территории Британии после похода Клавдия 43 г. представляло несомненный успех римской внешней политики. Были покорены все племена Юго–восточной Британии: катувеллавы, атребаты, тринованты и кантии. Другие, более отдаленные племена, оставаясь свободными, присягнули на верность Риму. В надписи на триумфальной арке, освященной в 51–52 г.г., Клавдий заявляет, что он привел к покорности варварские племена, живущие за Океаном, и принял сдачу одиннадцати британских царей (CIL, VI, 920; D, 216). Среди них были Когидубн, царь регнов, обитавших в Западном Суссексе, и Прасуртаг, царь иценов, живших на территории Восточных графств. Им было разрешено стать «союзниками римского народа», заняв, в сущности, положение вассалов римской империи. Полагают, что в число этих одиннадцати британских царей, ставших клиентами римского государства, вошла и Картимандуя, царица бригантов, одного из самых крупных британских племен, владения которых простирались от реки Хамбер на юге до реки Тайн на севере¹.

После того, как Клавдий возвратился в Италию, Авл Плавтий, оставленный им во главе только что образованной провинции, успешно действовал там в течение следующих четырех лет (43–47 гг.). Считают, что ему удалось установить стратегически важную военную границу новой провинции, завоевав территории, лежащие южнее и северо–восточнее линии, проведенной от устья Северна до залива Уош². Военные действия в юго–западном на-

¹ Frere Sh. *Britannia. A history of Roman Britain*. London, 1967. P.69.

² Oman Ch. *England before the Norman Conquest*. London, 1938. P.65.

правлении вел будущий император Веспасиан, служивший легатом в войске Плавтия. Светоний в биографии Веспасиана сообщает о его военной кампании в Британии, что он «участвовал в тридцати боях с неприятелем и покорил два сильных племени, более двадцати городов (*oppida*) и смежный с Британией остров Вектис (Уайт)» (*Suet. Vesp.*, 4).

Под командованием Веспасиана воевал Второй легион, всегда действовавший в Западной Британии, и его вспомогательные войска. *Oppida*, которые осаждал и захватывал в Юго-западной Британии Второй легион, не были, конечно, городами. Однако П. Блер отметил, что эти *oppida* представляли собой нечто совсем другое, чем *oppida* Юго-восточной Британии, известные Цезарю, которые были густо поросшими лесом участками земли, укрепленными рвом и валом и использовавшимися как места укрытия в моменты опасности. *Oppida* же Юго-западной Британии (самым знаменитым из которых является Мейден Касл, занимавший площадь около 45 акров) были крепостями с постоянными гарнизонами, иногда достаточно значительными³.

По поводу того, какие из племен Юго-западной Британии следует считать теми двумя, которые завоевал Веспасиан, между исследователями нет согласия. Дж. Райс полагал, что это были белги, занимавшие территорию, простиравшуюся от пролива Тесолент до Сомерсетшира, и думнонии, жившие в Корнуолле и Девоншире⁴. По мнению же Ч. Оумэна, эти отдаленные районы (Корнуолл и Девоншир) не интересовали в то время римлян, и обитавшее там племя думнониев было предоставлено само себе в течение нескольких поколений. Он считал, что Веспасианом были покорены белги и дуротриги, жившие в Дорсете⁵.

Здесь, на юго-западе Британии, победы достались римлянам не такой уж легкой ценой, иногда борьба была тяжелой и опасной. Так, Дион Кассий рассказывает, что однажды Веспасиан, со всех сторон окруженный британцами, был на волосок от гибели. Тогда его сын Тит, служивший в войске Веспасиана, с исключительной смелостью прорвав круг врагов, обратил их в бегство, рубя отступающих на куски, и спас отца (*Cass. Dio*, LX, 30).

О продвижении правого крыла римской армии в северо-восточном направлении античные авторы ничего не сообщают. Как

³ Blair P. H. *Roman Britain and Early England*. Edinburgh, 1963. P.38–39.

⁴ Rhys M.A. *Celtic Britain*. London, 1882. P.79.

⁵ Oman Ch. *England before the Norman Conquest*. P.65.

справедливо заметил Ч. Оумэн, мы ничего не знали бы и о римских победах на юго-западе страны, если бы во главе сражавшегося здесь римского войска не стоял Веспасиан, человек с большим будущим, о деяниях которого помнили и рассказывали древние историки. Однако он предположил, что правое крыло римской армии, продолжая движение к северу от линии: устье Северна – залив Уош, остановилось в Ратах (в районе Лестера), на территории племени коританов⁶. По мнению же Р. Коллингвуда, правое крыло, представленное Девятым легионом, продвинулось по территории коританов значительно севернее и остановилось у Линда (Линкольн)⁷.

Как бы там ни было, полагают, что коританы и соседние с ними корновии, испытывавшие прежде сильное давление со стороны могущественного племени катувеллавнов, после его падения в 43 г. вошли в состав тех одиннадцати племен, которые добровольно сдались Риму⁸. Как мы видели выше, бриганты, жившие еще севернее коританов и корновиев, тоже вступили в клиентские отношения с римской державой. Таким образом, Плавтий мог считать свою задачу успешно выполненной: новые, стратегически важные территории завоеваны, безопасность границы обеспечена размещенными там легионами, лимитропные племена – в вассальной зависимости от Рима. Когда он в 47 г. вернулся в Рим, то получил заслуженную похвалу от императора за то, что «прекрасно провел и закончил британскую войну». Он был удостоен триумфа, завершившегося гладиаторскими играми, в которых участвовали и погибли многие из пленных британцев (Cass. Dio, LX, 30).

Однако, несмотря на все успехи Плавтия, когда его преемник Осторий Скапула прибыл в Британию, он там застал ситуацию, которая не вселяла каких-то радужных надежд; по образному выражению Ш. Фрера, «граница новой провинции была в огне»⁹. Не покоренные Римом, воинственные племена ордовиков и силуров, населявшие возвышенные районы Северного и Южного Уэльса, совершая постоянные набеги, опустошали приграничные районы новой провинции: в особенности силуры, пересекая реку Северн, гра-

⁶ Ibid. P.66.

⁷ Collingwood R.G., Myres J.N.L. Britain and the English Settlements. Oxford, 1937. P.91.

⁸ Frere Sh. Britannia. P.70.

⁹ Ibid. P.76.

били территории добунов. Более того: волновались союзные бриганты. Они были беспокойным народом. Хотя Картимандуя заключила мирный договор с Римом, однако она не могла удержать под контролем обширную федерацию бригантов. Ее соплеменники по большей части продолжали считать римлян своими врагами и, перейдя через реку Трент, грабили земли союзных с римлянами коританов, живших на территориях Лестершира и Ноттингемшира. Эти набеги доставляли Осторию много хлопот сразу после его прибытия в Британию (Тас., *Ann.*, XII, 31, 32). По словам Тацита, который является нашим главным источником на данном этапе завоевания Британии, «враги, сочтя, что новый военачальник, не ознакомившись со своим войском, и ввиду наступившей зимы, не решится противодействовать им, с тем большей дерзостью вторглись в пределы наших союзников» (Тас., *Ann.*, XII, 31, 1)¹⁰.

Однако Осторий после ряда острых столкновений, используя легковооруженные когорты и конницу, вынудил налетчиков отступить из владений союзных римлянам племен. Затем он укрепил пограничную зону, чтобы воспрепятствовать новым набегам из-за ее пределов. Полагают, что основную часть этой пограничной зоны составляла знаменитая дорога, в десятом веке получившая название Фосс Вей, которая до сих пор остается одним из поразительных памятников римского дорожного строительства в Британии. Граница, включавшая Фосс Вей, тянулась от южного берега Бристольского залива на север до устья реки Хамбер, оставляя по ту сторону границы долины рек Северна и Трента, при том что над долиной Северна господствовала крепость в Глостере, а над долиной Трента – крепость в Линкольне¹¹.

Решение Остория разоружить племена, живущие по эту сторону границы, которые казались ему подозрительными, было неожиданным для британских союзников Рима, и они ему воспротивились. Первым восстало сильное племя иценов, которые считали себя добровольными союзниками римского народа, безропотно платили назначенные им налоги и поставляли рекрутов для римского войска. Однако они обладали слишком гордым и независимым характером, чтобы подчиниться приказу о разоружении. Та-

¹⁰ Тексты Тацита приведены в переводах А.С. Бобовича // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. I. *Анналы. Малые произведения* / Изд. подготовили А.С. Бобович, Я.М. Боровский, М.Е. Сергеевко. Ленинград, 1969.

¹¹ Blair P. H. *Roman Britain and Early England*. P.41.

цит говорит, что они увлекли за собой соседние народы (Тас., *Ann.*, XII, 31, 3). Это были не бриганты, которые жили за пределами границы, не катувеллавы или тринованты, которые находились под прямым управлением наместника, а небольшие племена, названия которых не сохранились¹².

Войско восставших заняло позицию на огороженном земляной насыпью поле, проход на которое был настолько узок, что через него не могла пройти конница. Легионы Остория были заняты строительством и укреплением пограничной дороги Фосс Вей, так что он мог использовать против мятежников только вспомогательные войска. Тогда он приказал своим всадникам спешиться и присоединиться к когортам пехоты и затем этими силами осадил и взял штурмом укрепления восставших. Несмотря на отчаянное сопротивление британцев, победа римлян была полной.

Однако череда событий, ознаменовавших начало наместничества Остория в Британии, показала, что росло сопротивление британцев римскому завоеванию. Это были и военные действия в приграничных районах римской провинции независимых воинственных племен, живших в горных районах Уэльса; и набеги на территории союзных Риму племен беспокойных бригантов, чьи клиентские отношения с Римом носили весьма поверхностный характер; и, наконец, прорвавшееся сквозь внешнюю покорность возмущение добровольных союзников Рима – иценов приказом сдать оружие, который они считали превышением власти римского наместника по отношению к ним.

Ситуация становилась тем более опасной для Рима, что британское сопротивление перестало носить стихийный характер после того, как его возглавил Каратак, оставшийся в живых сын царя катувеллавы Кунобелина. Его брат Тугодумн погиб в 43 г. в битве при реке Медуэй, в которой римляне разбили британцев, что знаменовало падение царства катувеллавы со всеми завоеванными ими территориями других племен и утверждение римлян в Юго-восточной Британии. Судя по всему, Каратак был незаурядным человеком и выдающимся полководцем. Он привлек к себе сердца всех своих соплеменников, императора Клавдия, Тацита и современных исследователей. Отдавая должное полководческому искусству Каратака, Тацит писал, что «его выдвинули многочис-

¹² Collingwood R.G., Myres J.N.L. *Britain and the English Settlements*. P.92.

ленные, не завершившиеся нашей победою битвы и столь же многочисленные успехи в действиях против нас» (Тас., Ann., XII, 33). «Блестящее полководческое искусство» Каратака отмечал Ш. Фрер¹³. Р. Коллингвуд подчеркивал незаурядность личности Каратака. «Он был человек несгибаемого духа, – писал Коллингвуд, – чья власть над другими людьми определялась не его царским саном, а силой и обаянием его личности»¹⁴.

Именно Коллингвуд дал психологически точную характеристику Каратаку, угадал его намерения, проследил наиболее вероятные пути следования и его действия вплоть до того момента, когда Каратак появился на страницах XII книги «Анналов» Тацита¹⁵. Дион Кассий сообщает, что, когда битва при Медуэе была уже практически проиграна и Тугодумн погиб, сопротивление британцев не ослабело, и они начали сражаться с еще большим ожесточением, чтобы отомстить за смерть вождя. По словам Диона Кассия, это даже вызвало опасения Авла Плавтия, который тогда командовал римской армией. Он не стал продвигаться дальше, довольствуясь уже завоеванными территориями, и вызвал в Британию Клавдия (Cass. Dio, LX, 21). После смерти Тугодумна во главе британского войска стоял Каратак. Сообщение Диона Кассия дает представление о том, что ему была чужда осторожная тактика партизанской войны, которую когда-то успешно использовал в военных действиях против Цезаря его предок Кассивелавн, основатель династии катувеллавнов. «Он не был человеком, – пишет Коллингвуд, – способным к осторожному, постепенному отступлению, позволяющему оспаривать каждый шаг наступающего противника и изматывать его постоянным давлением на его фланги и коммуникации»¹⁶. Каратак был боец по натуре, он жаждал битвы и проиграл ее в 43 г.

После этого Каратак исчез. Он понимал, что поражение британцев было окончательным, и все дальнейшие попытки защитить царство катувеллавнов и его столицу были бы тщетными. Он решил собрать небольшой отряд из родственников и друзей, покинуть свою страну, отправиться к племенам, которые еще не были покорены Римом, и поднять их на борьбу с захватчиками.

¹³ Frere Sh. Britannia. P.79.

¹⁴ Collingwood R.G., Myres J.N.L. Britain and the English Settlements. P.88.

¹⁵ Ibid. P.88–94.

¹⁶ Ibid. P.89.

Это был смелый шаг со стороны павшего царя катувеллавнов. Вставал вопрос: куда ему идти? Катувеллавы были самым большим племенем белгов, которые появились на острове только в I в. до н.э., на последнем этапе кельтского завоевания Британии, принося с собой культуру достаточно высокого уровня с развитой экономической жизнью (земледелием, ремеслом, производством металла). Коллингвуд психологически верно заметил, что более бедные и менее культурные местные племена, гораздо раньше катувеллавнов прибывшие в Британию и жившие на землях Юго-восточной Англии, должны были презирать вновь прибывших и, кроме того, боялись их, потому что катувеллавы начали захватывать территории, принадлежавшие их соседям¹⁷.

Среди племен Юго-восточной Британии был один народ белгского происхождения, родственник катувеллавам. Это – атребаты, прибывшие в Британию даже позже катувеллавнов (в 50 г. до н.э.) и занявшие земли к югу от среднего течения Темзы. Однако при царе Кунобелине (отце Каратака) катувеллавы захватили и царство атребатов, а также покорили племена, находившиеся в сфере их влияния: кантиев, регнов, иценов. При таком положении вещей Каратак вряд ли мог рассчитывать найти убежище у атребатов, хотя на западе их области имелись крепости, способные выдержать долгую осаду. К тому же он видел, как Когидубн, царь регнов, Прасутаг, царь иценов, становились добровольными клиентами Рима, и прекрасно понимал, что так же может поступить любой из вождей Юго-восточной Британии. Их неприязнь к династии Кассивелавна была слишком сильна, чтобы Каратак мог ожидать с их стороны доброго к себе отношения. Каратак же не был дипломатом. Ш. Фрер вообще назвал Каратака и Тогодумна «молодыми людьми, лишенными чувства такта и дипломатической умеренности»¹⁸. По словам Р. Коллингвуда, Каратак «был человеком горячим и властным, совершенно не приспособленным к тому, чтобы умолять о помощи вождей, считавших, что они ни в чем не уступают ему, а теперь еще и смотревших на него с презрением как на дискредитированного изгнанника»¹⁹.

Отвернувшись от Юго-восточной Британии, Каратак стал искать место, где можно было бы противостоять римским легионам. Обла-

¹⁷ Collingwood R.G., Myres J.N.L. Op. cit. P.88.

¹⁸ Frere Sh. Britannia. P.45.

¹⁹ Collingwood R.G., Myres J.N.L. Britain and the English Settlements. P.89.

дая стратегическим чутьем прирожденного солдата, он понимал, что это должен быть горный район, где в условиях пересеченной горной местности не сработала бы применявшаяся римской армией тактика «парового катка», когда легионеры сражались в сомкнутом строю, локоть к локтю, все сметая на своем пути. Из трех доступных для его обозрения секторов горной зоны Корнуолл был слишком изолирован и занимал слишком небольшую территорию, север (вплоть до линии, по которой в будущем прошел вал Адриана) был занят бригантами, вступившими в клиентские отношения с Римом; оставался Уэльс, едва затронутый цивилизацией Железного века, населенный отважными и независимыми племенами, представлявший собой «страну, самой природой предназначенную для отчаянного сопротивления»²⁰. Каратак направился в Уэльс.

Еще до прибытия в Британию Остория в 47 г. он добился сильного влияния среди племен Уэльса. Именно он возглавлял систематические рейды силуров на приграничные территории римской провинции. После 47 г. в течение еще двух или трех лет Каратак продолжал с большим успехом действовать в том же духе, несмотря на присутствие римских гарнизонов, размещенных в фортах, построенных Осторием по всей протяженности Фосс Вей.

Исследователи отмечают характерную слабость римской пограничной системы, существенной чертой которой являлась обычно цепь небольших укрепленных фортов, разбросанных по всей линии границы. Небольшие гарнизоны этих фортов (численностью не более 500 человек) хорошо подходили для выполнения работы по поддержанию порядка на границе в условиях мира, но были бессильны против хорошо организованных военных вторжений, возглавляемых талантливым полководцем²¹.

В войне такого рода инициатива была на стороне Каратака. Идя от победы к победе, он совершенно восстановил свою репутацию: следовавшие за ним британцы теперь боготворили его как национального героя, борца за их свободу, посланного им богами вождя в борьбе с захватчиками.

На пике этой возрожденной популярности мы встречаемся с Каратаком в рассказе Тацита о нем. Тацит начинает 33-ю главу XII книги своих «Анналов» с сообщения о том, что Осторий принял поход против силуров, «чью воинственность, – пишет Тацит, – поддерживали надежды на силы Каратака». Далее Тацит

²⁰ Ibid. P.88.

²¹ Frere Sh. Britannia. P.79.

упоминает многочисленные победы, одержанные Каратаком в столкновениях с римлянами. «Так что, – замечает Тацит, – он затмил своей славою остальных полководцев Британии». Полководческое искусство Каратака и его превосходство перед римлянами Тацит, в частности, видел в его умении вести военные действия в условиях пересеченной местности, которая не позволяла римлянам применять тактику легионного боя (Тас., Ann., XII, 33).

Чтобы перехватить у Каратака инициативу, Осторий должен был укрепить границу с силурами по нижнему течению Северна, построив в самом узком месте, где легче всего переправиться через реку, на левом берегу, крепость, которая служила бы угрозой враждебному правому берегу силуров. Это создало бы возможность под защитой этого укрепления перейти в наступление на силуров и помешать сосредоточению их сил, которое могло представлять опасность для союзных с римлянами добунов. Единственным местом, удобным для расположения такой крепости был Глостер, где и сейчас находится самый низкий мост через Северн. Крепость была построена (археологические раскопки обнаружили под Глостером ее следы)²², и Осторий разместил там Второй легион (в 50 г.). В связи с этим Каратак больше не мог, опираясь на военные силы силуров, беспрепятственно совершать набеги на территории добунов, союзных с римлянами и граничивших с провинцией.

По свидетельству Тацита, Каратак отправился на север Уэльса – в область независимых ордовиков, чтобы соединиться «с теми, кто страшился установления мира с нами». Там он выбрал чрезвычайно удачную позицию, намереваясь дать решающее сражение следовавшему за ним Осторию. Это было место, окруженное холмами с крутыми, обрывистыми склонами, у подножия которых протекала река с ненадежным руслом, через которую трудно было переправиться вброд. В центре же позиции, где склоны были более пологими, так что по ним можно было взобраться, Каратак построил укрепление (своеобразный форт), «навалив камни наподобие вала». «За укреплениями, – говорит Тацит, – стояли толпы вооруженных врагов» (Тас., Ann., XII, 33)²³.

Каратак знал, что легион, выстроенный в большую линию, практически непобедим для британских воинов, привыкших сражать-

²² Frere Sh. Britannia. P.80.

²³ Ш. Фрер отмечает, что описание Тацита не создает ясной картины, которую можно было бы идентифицировать с каким-либо определенным местом в области ордовиков в Уэльсе (Frere Sh. Britannia. P.81).

ся небольшими отрядами, которые то собирались вместе, то рассеивались в разные стороны. Однако он рассчитал, что никакое войско, как бы ни была высока степень его обученности и тренированности, не в состоянии сохранить единую линию построения, когда солдаты могли бы держаться плечом к плечу, поднимаясь вверх по таким крутым склонам. В то время как в условиях этой пересеченной местности его мелкие подразделения получали хороший шанс отразить любую атаку римлян, пока те не доберутся до укреплений форта, где должно было произойти решающее сражение.

Перед началом битвы вожди британских племен обходили своих солдат, обращаясь к ним с увещаниями, укрепляя их дух, «стремясь рассеять в них страх и воспламенить их надеждою и боевым пылом». «Сам Каратак, – говорит Тацит, – носился взад и вперед, провозглашая, что этот день, эта битва положат начало либо отвоеванию ими свободы, либо вечному рабству; при этом он называл имена предков, изгнавших диктатора Цезаря, тех, чья доблесть избавила их от римского топора и от податей и сохранила им неоскверненными тела их жен и детей» (Тас., *Ann.*, XII, 34).

Как известно, Тацит так же, как и другие античные историки, сам сочинял речи, которые произносили его персонажи, заставляя их говорить то, что они, по его мнению, должны были сказать в заданных обстоятельствах. Однако слова, которые великий историк вкладывает в уста Каратака, дают представление о том, что он относился к своему герою с большим уважением и, в известной степени, с восхищением, полагая, что Каратак был человек мужественный, обладавший несгибаемой волей, одушевленный пламенной любовью к свободе и к своему отечеству. Британские воины, выслушав пылкую речь своего полководца, с восторгом одобрили ее и выразили готовность следовать за ним и выполнить свой долг до конца: ордовики и силуры клялись (каждый богами своего племени), что они победят или погибнут.

Осторий, наблюдая, с каким искусством и воодушевлением Каратак готовил защиту своего укрепления, размещая людей, ободряя их и призывая каждого наилучшим образом исполнить поставленную перед ним задачу, понял, что его противник обладает темпераментом и всеми качествами хорошего полководца. И римский полководец испугался. Хотя его армия (включая легионы и вспомогательные войска) численно превосходила войско Каратака, британская позиция казалась Осторию практически неуязвимой. «Его

страшили, – пишет Тацит, – и преграждавшая ему путь река, и вновь возведенное неприятелем укрепление, и нависшие над головой горы – все это, казавшееся ему грозным препятствием и обороняемое многочисленными защитниками» (Тас., *Ann.*, XII, 35, 1).

Однако римские воины были полны воодушевления, они рвались в бой, уверяя полководца, что их доблесть преодолет все препятствия; офицеры (префекты и трибуны) были с ними согласны и исполнены решимости вести солдат в сражение. Тогда Осторий отдал приказ к наступлению, полагая, что исход сражения будет зависеть от боевого настроения солдат. По мнению Р. Коллингвуда, он разделил свое войско на несколько колонн, которые одновременно послал по разным направлениям в те места, где, казалось, реку можно перейти вброд, а склоны холмов не так круты²⁴. После первого же натиска римляне легко переправились через реку и поднялись высоко вверх по склону, подойдя к валу, представлявшему собой укрепление, построенное Каратаком.

Здесь они вынуждены были остановиться под шквалом металлических снарядов (копий и стрел), обрушившихся на них сверху. В этот момент, согласно Тациту, потери убитыми и ранеными с римской стороны были больше, чем потери британцев. Однако римские воины, построившись черепахой, прикрываясь поднятыми над головой щитами, разбросали каменные завалы и со всех сторон ворвались внутрь укрепления. Завязалась рукопашная схватка, по выражению Тацита, «в равных условиях». Отчаянно сопротивляясь, британцы отступили к вершине холма, но там они были окружены численно превосходившими их силами противника. Тацит красочно рассказывает о том, как закончилась битва: «Но и туда устремились наши застрельщики и тяжеловооруженные воины, одни – осыпая противника стрелами, другие – наступая сомкнутым строем, между тем как ряды британцев, не прикрытых ни панцирями, ни шлемами, пришли в расстройство; если они оказывали сопротивление воинам вспомогательных войск, их разили мечи и дротики легионеров; а если поворачивались к легионерам, их поражали обоюдоострые мечи и копья вспомогательных войск. Победа была полной» (Тас., *Ann.*, XII, 35, 3). Жена, дочь и братья Каратака были захвачены в плен. Сам Каратак ускользнул с поля битвы, чтобы возобновить войну с римлянами где-нибудь в другом месте.

²⁴ Collingwood R.G., Myres J.N.L. *Britain and the English Settlements*. P.96.

Каратак бежал к царице бригантов Картимандуе, рассчитывая убедить ее разорвать клиентские отношения с Римом и, по выражению Коллингвуда, «поднять знамя восстания»²⁵. Однако Картимандуя слишком зависела от Рима: она рассчитывала на помощь римлян в борьбе со своими мятежными подданными и хорошо понимала, что если римляне станут ее врагами, то она потеряет свое царство. Поэтому, по ее приказу, Каратак, закованный в цепи, был выдан Осторию. По словам Тацита, это случилось на девятый год после начала войны в Британии (51 г.) (Тас., *Ann.*, XII, 36, 1).

Осторий отослал пленника и всю его семью в Рим, куда еще раньше прибытия Каратака донеслась молва о нем, и все хотели видеть того, кто, как выразился Тацит, «в течение стольких лет презирал наше могущество». Тацит рассказывает, как при полном стечении народа, при том, что преторианские когорты стояли в полном вооружении, пленников провели через весь Форум в торжественной процессии к высокому помосту, на котором восседал император, намереваясь решить их судьбу. Когда все униженно молили о снисхождении, только Каратак «не зывал к милосердию ни опущенным взором, ни речами».

Далее Тацит вкладывает в уста Каратака замечательную речь, которую тот произнес, обращаясь к императору: «Если бы я был, пока мне сопутствовала удача, столь же умерен в своих притязаниях, как знатен и взыскан судьбою, я бы прибыл в ваш город скорее в качестве друга, чем пленника, и ты бы, Цезарь, не погнушался заключить мир и союз с потомком прославленных предков и повелителем многих народов. И если мой нынешний жребий для меня унижителен, то тебе, напротив, он прибавил величия. У меня были кони, воины, оружие, власть; нужно ли удивляться, что всего этого я лишился не по своей воле? Если вы хотите всеми повелевать, то следует ли из этого, что все обязаны безропотно становиться рабами? Если бы я беспрекословно и сразу отдался под твою руку, то и моя участь не обрела бы известности, и ты не обрел бы новой славы победою надо мной. Моя казнь вскоре будет забыта, но если ты оставишь мне жизнь, я навеки стану примером твоего милосердия». (Тас., *Ann.*, XII, 37, 1–3).

Эта речь свидетельствует о том, что Тацит – блестящий мастер психологической характеристики. Он создает привлекательный образ Каратака – человека, гордого своим знатным происхождением и высоким положением, которое он занимал в своей стране, сво-

²⁵ Ibid.

бодолюбивого, умеющего с достоинством признать поражение и в то же время найти выход из самого, казалось бы, безвыходного положения. Император Клавдий был пленен мужественным поведением своего пленника и даровал прощение Каратаку, его жене и братьям, приказав снять с них оковы. Полагают, что Каратак окончил свои дни, находясь в почетной ссылке в Италии²⁶. Ко времени его пребывания в Риме относится предание, которое передает Дион Кассий. После его освобождения, гуляя по Риму и удивляясь великолепию его зданий, британский царь воскликнул: «Почему вы, владея всеми этими богатствами, все еще жаждете заполучить наши бедные хижинки?» (Cass. Dio, *Fragm.*, 90).

Римлянам казалось, что война в Британии окончена, поскольку ополчение племен Уэльса разбито, а царица бригантов Картимандуя доказала свою верность Риму. Осторий более не вел полевых операций, полагая, что силуры побеждены, и необходимо только следить за тем, чтобы они сохраняли спокойствие. Для этого он приступил к строительству фортов, используя подразделения Второго легиона как строительные команды, которые были разбросаны по всей области силуров, работая по сооружению крепостных укреплений.

Однако силуры только ждали удобного случая, чтобы отомстить за своего героя. Распыление сил Второго легиона и использование их не по назначению предоставили им такой случай. Они атаковали наполовину построенные форты и разрушили их. Строительные команды легионеров были бы полностью уничтожены, если бы не пришли им на выручку в спешном порядке другие части легиона, которые отбили атаку силуров, потеряв, однако, в упорном бою префекта лагеря (*praefectus castrorum*), руководившего строительными работами, восьмерых центурионов и множество рядовых воинов.

На этом силуры не успокоились. Вскоре они разгромили отряд легионеров, занимавшихся заготовкой фуража и продовольствия, затем отряды конницы, высланные для поддержки фуражиров, затем когорты легковооруженной пехоты, которая должна была помочь коннице. И они отступили только тогда, понеся незначительные потери, когда в бой вступили легионы во главе с самим Осторием. Это был только один из многочисленных случаев, когда силуры ввязывались в сражения с римлянами, быстрыми и хорошо рассчитанными ударами причиняя им тяжелые потери, иногда захватывая пленников и добычу, иногда просто разрушая их укрепления.

²⁶ Oman Ch. *England before the Norman Conquest*. London, 1938. P.71.

ния, но всегда ускользая раньше, чем римляне успевали нанести им ответный удар. Это была тактика партизанской войны, применявшаяся британцами еще, когда они воевали с Цезарем.

По словам Тацита, когда силуры узнали, что Осторий поклялся истребить все их племя, это еще более усилило их возмущение, и они стали подстрекать другие племена к выступлению против Рима. «И случилось так, – заканчивает Тацит, – что именно в эти дни, не выдержав бремени тяжких забот, умер Осторий; его кончина немало обрадовала врагов, считавших, что, если этот отнюдь не заслуживавший презрения полководец и не был умерщвлен в битве, его все же умертвила война» (Тас., *Ann.*, XII, 39, 3).

Таким образом, движение Каратака и последовавшие за ним события дают представление о том, что жажда свободы и дух сопротивления были очень сильны среди британских кельтов, и достаточно было одной искры, чтобы пламя войны с Римом разгорелось с новой силой. Это означало, что завоевание Римом Британии должно было стать процессом длительным и непростым. Когда, наконец, этот процесс подошел к своему завершению, была создана цивилизация римской Британии, которая по выражению Ш. Фрера, представляла собой «синтез римских и кельтских элементов»²⁷. В этом синтезе кельтский элемент проявил удивительную жизнеспособность, определявшуюся в значительной степени самим складом национального характера британских кельтов, нашедшего яркое выражение в их упорной борьбе с римлянами за свою свободу и независимость.

2. Восстание Боудикки (59–61гг.?)

Самым мощным взрывом антиримского движения в Британии I в. н.э. было восстание Боудикки, которое Д.Р. Дадли и Г. Уэбстер, посвятившие специальную монографию этому сюжету, назвали «великим восстанием»²⁸. Достаточно подробному и драматическому рассказу об этих событиях посвящены десять глав (с 29 по 39) XIV книги «Анналов» Тацита. Их краткое переложение Тацит дает также в 15 и 16 главах «биографии Агриколы». Известным дополнением к текстам Тацита (нашего главного источника по данной теме) являются сведения, содержащиеся у Диона Кассия (*Ерiтom.*, LXII, 1–12), и археологические материалы, обнаруженные в тех местах, которые, судя по сообщениям античных ав-

²⁷ Frere Sh. *Britannia*. P.1.

²⁸ Dudley D.R., Webster G. *The Rebellion of Boudicca*. London, 1962. P.61.

торов, были связаны с самыми острыми моментами противостояния римлян и британцев во время восстания Боудикки.

Относительно даты восстания между исследователями нет единой точки зрения, хотя в тексте Тацита имеется как будто точная временная отсылка: «В консульство Цезенния Пета и Петрония Турпилиана (61 г.), – говорит Тацит, – нам пришлось понести в Британии тяжелое поражение» (Гас., App., XIV, 29, 1). Р. Коллингвуд, следуя за Тацитом, датирует восстание 61 г.²⁹ Р. Сайм, полагая, что вся совокупность событий (от начала восстания до его подавления римлянами) не могла вписаться в рамки одного года, утверждал: «Ясно, что Тацит был виновен в неточности датировки. Восстание должно было начаться в 60 г.»³⁰. С.И. Ковалев относил начало восстания еще к первым годам царствования Нерона (54 г. и сл.), а его окончание – к 60 г.³¹ Д.Р. Дадли и Г. Уэбстер, принимая в качестве начальной даты 59 г., тем не менее считают, что нельзя совершенно отбрасывать возможность того, что все события произошли в 61 г., как об этом свидетельствует Тацит³².

Боудикка была женой Прасутага, царя иценов, живших на территории современных Норфолка и Суффолка (Восточные графства). Прасутаг умер, по представлениям одних исследователей, в 59³³ или в 60г.³⁴, по представлениям других, – в 61г.³⁵ Когда же началось его царствование, остается неясным. Обычная точка зрения состоит в том, что Прасутаг был одним из одиннадцати кельтских царей, которые вступили в клиентские отношения с Римом, принеся присягу верности римскому императору Клавдию в 43 г. после удачного окончания его британского похода³⁶. Дело в том, что Тацит говорит о Прасутаге, что он прославился своим огромным богатством и процветал долгое время (так нужно понимать слова Тацита: «*longa opulentia clarus*» – Ann., XIV, 31, 1). В

²⁹ Collingwood R.G., Myres J.N.L. Britain and the English Settlements. P.99.

³⁰ Syme R. Tacitus. Oxford, 1958. V.II. P.765.

³¹ Ковалев С.И. История Рима. Изд. 2-е. / Под ред. Э.Д. Фролова. Ленинград, 1986. С.521,708.

³² Dudley D.R., Webster G. The Rebellion of Boudicca. P.144.

³³ Ibid. P.47.

³⁴ Frere Sh. Britannia. P.68.

³⁵ Collingwood R.G., Myres J.N.L. Britain and the English Settlements. P.99.

³⁶ Frere Sh. Britannia. P.68.

таким случае он вполне мог быть царем иценов еще в 43 г. То, что не найдено монет с именем Прасутага, не противоречит такой точке зрения, поскольку кельтские цари, вступавшие в клиентские отношения с Римом, лишались права на собственный чекан.

Сюда, однако, вклиниваются события 47 г., когда ицены, воспротивившись решению Остория разоружить британские племена, подняли мятеж, увлекая за собой соседние народы, в том числе, и жившие на территории римской провинции. В связи с этим, по поводу царствования Прасутага были высказаны два предположения. Согласно первому, ицены сохранили свой клиентский статус по отношению к Риму и после 47 г., а Прасутаг сохранил свой трон³⁷. Второе предположение состояло в том, что Прасутаг был поставлен Римом царем над иценами, которые лишались права быть свободными союзниками Рима, после мятежа 47 г.³⁸

После смерти Прасутага его договор с Римом потерял силу. Поскольку у него не было сына, то царский род считался пресекшимся (хотя остались вдова Прасутага, Боудикка, и две его дочери), и царство иценов должно было быть инкорпорировано в состав римской провинции. По свидетельству Тацита, Прасутаг оставил завещание, в котором назначал своими наследниками Нерона и двух дочерей, надеясь, таким образом, сохранить для дочерей свое царство и свое состояние (Ann., XIV, 31, 1). Однако эти меры не привели к желаемому результату, так как Рим стремился постепенно уничтожить клиентские царства в Британии.

Впрочем, Д.Р. Дадли и Г. Уэбстер полагают, что в свидетельстве Тацита нет намека на намерение Прасутага, посредством этого маневра, сохранить на вечные времена клиентскую царскую власть у иценов. По их мнению, Прасутаг надеялся только обеспечить своему народу спокойный и безболезненный переход в состав римской провинции, когда ицены впервые должны были полностью оказаться под контролем римских налоговых чиновников³⁹. Однако ожидания Прасутага были напрасны, и иценам пришлось пережить чрезвычайно тяжелое испытание.

Перевести иценов в ранг людей провинциального статуса, сделав из их царства часть римской провинции, должен был Кат Дециан, прокуратор, осуществлявший финансовый надзор над провинцией. Все, что о нем известно, создает впечатление, что Кат

³⁷ Collingwood R.G., Myres J.N.L. Ibid.

³⁸ Dudley D.R., Webster G. The Rebellion of Boudicca. P.47.

³⁹ Ibid. P.51.

Дециан был одиозной фигурой. Недаром Дадли и Уэбстер сравнивают его с Верресом, этим печально знаменитым римским наместником в Сицилии поздне-республиканского периода, стяжавшим скандальную славу своими злоупотреблениями. Дион Кассий сообщает, что Дециан собирался взыскать какие-то денежные средства, которые Клавдий дал «их вождям» (Epitom., LXII, 2); причем не понятно, имеются ли в виду только вожди иценов или и каких-то еще других британских племен. Однако ясно, что то, что британцы считали грантом, теперь стало называться займом, который нужно было вернуть с процентами.

Прасутага казался, что, завещая свое наследство Нерону, он полностью рассчитался со своими обязательствами по отношению к Риму, но Кат Дециан рассуждал иначе. Посланные из офиса прокуратора рабы разграбили царский дворец; наследственные владения видных аристократов, родственников царского дома, были конфискованы, а сами они проданы в рабство. Царица Боудикка была высечена плетью, а ее дочери обесчещены. Вдобавок к этим бесчинствам и грабёжам появились прибывшие из ставки наместника центурионы требовать поставки рекрутов и выплаты денежного налога. «Возмущенные этими оскорблениями, – говорит Тацит, – и страшась еще худших, поскольку их земля стала частью провинции, ицены хватаются за оружие» (Ann., XIV, 31, 2). Началось восстание, во главе которого встала вдова Прасутага Боудикка.

В отличие от неясной фигуры Прасутага выпукло и ярко обрисован Тацитом и Дионом Кассием образ Боудикки с присущими ей страстностью, мощью и харизматичностью натуры. Дион Кассий дает живое, содержащее интересные детали описание внешности Боудикки: «Она была огромного роста и мощного телосложения, вид ее был устрашающ, голос груб. Густая грива ярко рыжих волос спускалась до колен. На шее она носила массивную, изогнутую золотую гривну, одета была в пеструю тунику, поверх которой был накинут плотный плащ, застегнутый на плече фибулой. Вот, она схватила в руку копье, поразив ужасом всех, кто наблюдал за нею...» (Cass. Dio. Epitom., LXII, 3, 4). По мнению Д.Р. Дадли и Г. Уэбстера, это самый драматический портрет кельтской героини в классической литературе⁴⁰. В то же время такие детали, как гривна и фибула, археологически точны: в богатых

⁴⁰ Dudley D.R., Webster G. The Rebellion of Boudicca. P.54.

захоронениях кельтских аристократов (как в континентальной Европе, так и на Британских островах) встречаются великолепные, золотые и бронзовые шейные гривны, представляющие собой образцы высокого ювелирного искусства; а фибул найдено так много, что фибула используется как чувствительный хронологический показатель – по ее форме датируют другие археологические находки⁴¹.

Отважной, харизматической героиней Боудикка предстает в описании Тацита, когда он со свойственным ему великолепным умением придать изложению драматическую напряженность рассказывает, как Боудикка, поставив на колеснице впереди себя дочерей, носилась от племени к племени, страстно агитируя британцев начать восстание против Рима. «Рожденная от столь прославленных предков, – перелагает Тацит речь Боудикки, – она мстит не за потерянное царство и богатства, но как простая женщина за отнятую свободу, за свое избитое плетью тело, за поруганное целомудрие дочерей. Разнузданность римлян дошла до того, что они не оставляют неоскверненным ни одного женского тела и не щадят ни старости, ни девственности. Но боги покровительствуют справедливому мщению... И если британцы подумают, сколь могучи их вооруженные силы и за что они идут в бой, они убедятся, что в этом сражении нужно победить или пасть. Так решила для себя женщина; пусть же мужчины цепляются за жизнь, чтобы прозябать в рабстве» (Ann., XIV, 35, 1–2).

Сообщения Тацита не дают ясного представления о том, каков был статус Боудикки в племени иценов. На первый взгляд, кажется, что она была царицей, обладавшей верховной властью и полноправно правившей иценами. Однако такой точке зрения противоречит то, что Тацит говорит о начале восстания в биографии Агриколы: «Они (британцы – Н.Ш.) под предводительством женщины царского рода Боудикки (ведь применительно к верховной власти над войском они не делают различия между полами) все как один поднялись против нас» (Agric., 16, 1). Как мы видим, в этом пассаже Тацит называет Боудикку «женщиной царского рода» (*Boudicca generis regii femina*). Эта неопределенная характеристика статуса Боудикки кажется выбранной намеренно, чтобы навести читателя на мысль, что, с римской точки зрения, она не имела права претендовать на наследование царской власти после смерти ее мужа. Когда же Тацит добавляет, что

⁴¹ Филин Я. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961. С.53, 88.

«применительно к верховной власти над войском они не делают различия между полами», то становится ясно, что он позиционирует Боудикку как военного лидера британцев, а не как носительницу верховной царской власти у иценов. Как бы то ни было, очевидно, что соплеменники считали, что после смерти мужа Боудикка естественным образом стала их вождем; и соседние племена готовы были последовать за нею, несмотря ужасные опасности, с которыми было связано антиримское восстание.

Первыми к Боудикке и иценам примкнули их соседи тринованты, жившие в Эссексе и на южном побережье Суффолка. По соседству с Камулодуном (который когда-то был их главным племенным центром, а после завоевания триновантов могущественным царем катувелланов Кунобелином – своеобразной столицей его царства) теперь располагалась римская колония ветеранов (совр. Колчестер), выведенная в эти места в 48 или 49 г. Тацит рассказывает, что тринованты очень страдали от оскорбительного высокомерия ветеранов-колонистов в Колчестере. Они смотрели на земли триновантов как на территории, доставшиеся им по праву завоевания (*agri captivi*), и, сгоняя законных владельцев, присоединяли их к земельным участкам, которые распределялись между колонистами по жребию при основании колонии. «Они выбрасывали триновантов из их жилищ, – говорит Тацит, – сгоняли с полей, называли пленниками и рабами» (*Ann.*, XIV, 31,3). И невозможно было найти защиту у римского войска, стоявшего в провинции, потому что, по словам Тацита, «воины потворствовали своеволию ветеранов и вследствие сходства в образе жизни, и в надежде, что им будет дозволено то же» (*Ann.*, XIV, 31,3), когда они выйдут в отставку и в свою очередь станут ветеранами. Археологические раскопки в Камулодуне показали, в каких тяжелых условиях работали местные жители, когда они добывали камень и делали черепицу, чтобы покрывать крыши домов в строившейся римской колонии⁴².

К этим несчастьям триновантов добавилось еще одно, связанное с возведением в колонии храма, посвященного божественному Клавдию, который, по словам Тацита, «представлялся триновантам как бы оплотом вечного господства над ними» (*Ann.*, XIV, 31,4), а по мысли римлян, должен был стать и действительно стал средоточием императорского культа в провинции. Археологическими раскопками в Колчестере обнаружен фундамент храма, в

⁴² Frere Sh. *Britannia*. P.89.

средние века вмурованный в основание большого норманского замка. Исследование этого римского фундамента показало, что храм был построен в классическом стиле. Это – единственный пример храма классического типа, до сих пор открытый в Британии. Наиболее близкую параллель к нему представляет изящный классический храм I в. н.э., так называемый, «Квадратный Дом» (*Maison Carrée*) в Ниме⁴³. Помимо того, что признание императорского культа высшей формой религиозной жизни было тяжелым духовным бременем для британцев, для триновантов не менее тяжела была материальная составляющая приобщения к римской государственной религии: все немалые издержки по содержанию храма и отправлению культа жрецы храма переложили на плечи местных жителей (*Tac., Ann., XIV, 31, 4*).

Кроме триновантов, к иценам присоединились и другие британские племена. Тацит говорит, что «ицены... привлекают к восстанию всех тех, кто еще не сломленный порабощением, поклялся на тайных собраниях отвоевать утраченную свободу» (*Ann., XIV, 31, 2*). Кроме стремления к свободе, у британцев были веские экономические причины быть недовольными римской политикой в провинции. Вожди и крупные земельные магнаты британских племен, вошедших в состав провинции, принуждены были принимать участие в чрезвычайно дорогостоящем процессе романизации, который включал строительство новых городов, роскошных загородных вилл в римском стиле, воспитание и обучение их детей по римским образцам и др. Не имея достаточных средств, чтобы покрыть связанные с этим крупные расходы, британские племенные вожди и аристократы обращались за помощью к римским ростовщикам, которые охотно ссужали необходимые суммы под большой процент. Это была обычная римская практика в провинциях. Крупнейшим ростовщиком того времени был Сенека, знаменитый философ и бывший воспитатель Нерона. Согласно сообщению Диона Кассия, как раз в момент начала восстания он внезапно, без предупреждения, потребовал от британцев возвращения займа, доходящего до десяти миллионов сестерциев. В связи с этим множество британских землевладельцев оказались на грани банкротства и даже угрозы быть проданными в рабство (*Cass. Dio. Epitom., LXII, 1–4*). Поэтому к восстанию иценов присоединились и другие британские племена.

⁴³ Dudley D.R., Webster G. *The Rebellion of Boudicca*. P.102–103.

Первой целью восставших стал захват римской колонии в Колчестере. Они справедливо полагали, что это будет делом не слишком трудным, поскольку в колонии не соблюдались элементарные меры предосторожности. При ее строительстве не были возведены крепостные стены, колония была открытым городом, единственным своеобразным укреплением в ней мог считаться храм Клавдия с его мощным каменным основанием. Гарнизон ее был немногочислен, в основном в городе жили на покое уже отслужившие свой срок, вышедшие в отставку ветераны.

Между тем по городу поползли зловещие слухи. Невероятные и страшные истории передавались из уст в уста. Говорили, что в устье Темзы появилось изображение погрузившейся в пучину вод колонии, что приливная волна окрасилась в цвет крови, а когда она отхлынула, на дне стали видны очертания человеческих трупов. В здании сената и в театре раздавались странные звуки, статуя Виктории рухнула со своего пьедестала, на улицах женщины внезапно начинали пророчить близкую гибель (Тас., *Ann.*, XIV, 32, 1).

Это сообщение Тацита вызвало разные толкования. По его поводу Т. Моммзен (вообще очень невысоко оценивший отчет о восстании Боудикки, который дал Тацит) замечал: «На нас изливается целый поток пустых слов о знамениях и чудесах»⁴⁴. Однако, как известно, рассказы о предзнаменованиях и чудесных явлениях всякого рода были общим местом римской историографии. Их приводили и Тит Ливий, и оба Плиния, и Светоний, которые были образованными людьми. С.И. Соболевский полагал, что Тацит разделял вместе со своими современниками веру в чудесные явления, хотя и отделял свои суеверия от народных суеверий⁴⁵. Как бы там ни было, замечательный талант драматического рассказчика не оставил Тацита и в этом эпизоде. Он мастерски передает атмосферу тревоги, страха, ожидания близких несчастий, которую создавало в городе распространение этих невероятных слухов.

По мнению Д.Р. Дадли и Г. Уэбстера, в городе действовала британская «пятая колонна»⁴⁶. Тацит тоже говорит о том, что у восставших были тайные сообщники (*Ann.*, XIV, 32, 2). Они, с одной стороны, нагнетали обстановку, сея тревогу и страх, а с другой, – успокаивали римские власти города, когда те начинали что–то подозревать.

⁴⁴ Моммзен Т. История Рима / Под ред. Н.А. Машкина. М., 1949. С.162.

⁴⁵ Соболевский С.И. Тацит // История римской литературы. Изд. академии наук СССР. Москва, 1962. С.271.

⁴⁶ Dudley D.R., Webster G. *The Rebellion of Boudicca*. P.58.

В результате римляне не построили вала и рва, не подготовили эвакуации женщин, детей и стариков, и город оказался совершенно беззащитным, когда восставшие перешли в наступление.

Римляне обратились за помощью к прокуратору провинции Кату Дециану, который прислал лишь небольшой отряд в 200 человек. Это была капля в море по сравнению с бесчисленным множеством британцев, со всех сторон окруживших город. Солдаты, присланные Децианом, немногочисленные воины гарнизона, те из ветеранов, кто еще был способен владеть оружием, сосредоточились в храме, который, по словам Тацита, казался им неприступной крепостью (Ann., XIV, 32, 2). Британцы беспрепятственно разграбили и сожгли весь город, кроме храма, но и он был захвачен ими после двухдневной осады.

Петилий Цериал, командовавший Девятым легионом, расквартированным в Линде (Линкольн), как только услышал, что ицены поднялись, отправился на помощь колонии в Колчестере. Существуют различные мнения по поводу того, какие силы он вел с собой. Ч. Оумэн, следуя за Тацитом, утверждавшим, что это был целый легион (legionem – Ann., XIV, 32, 3), полагал, что Цериал шел на выручку колонистам во главе всего Девятого легиона⁴⁷. По мнению Р. Коллингвуда⁴⁸ и Ш. Фрера⁴⁹, он вел с собой вексилляцию (выделенный из состава легиона отряд для выполнения какого-либо задания) в две тыс. человек. Д.Р. Дадли и Г. Уэбстер увеличивают эту цифру до пяти-шести тыс. человек, считая, что Цериал взял с собой часть солдат Девятого легиона (в то время как остальные остались охранять лагерь в Линкольне), добавив к ним вспомогательные войска из римских фортов, встречавшихся ему по пути следования⁵⁰.

Как бы то ни было, когда Цериал с его войском подошел к Колчестеру, там все уже было кончено, город взят восставшими. Войско Бoudикки вышло навстречу Цериалу, и его пехота, подавленная численным превосходством британцев, была перебита; всадникам же во главе с Цериалом удалось ускользнуть от преследования врага, и они укрылись за укрепленными стенами их лагеря в Линкольне.

Так удачно для британцев и так печально для римлян разворачивались события в начале восстания Бoudикки, потому что на-

⁴⁷ Oman Ch. England before the Norman Conquest. P.76.

⁴⁸ Collingwood R.G., Myres J.N.L. Britain and the English Settlements. P.100.

⁴⁹ Frere Sh. Britannia. P.90.

⁵⁰ Dudley D.R., Webster G. The Rebellion of Boudicca. P.62.

местник провинции Светоний Паулин с основными военными силами находился далеко (за 250 миль) от места действия. Будучи одним из лучших римских военачальников этого времени, Светоний Паулин намеревался продолжить завоевание Северного Уэльса и выйти к Ирландскому морю, от чего десятью годами раньше отказался Осторий. В его распоряжении были Четырнадцатый и Двадцатый легионы, базировавшиеся в Роксетере (*Viroconium Cornoviorum*). По мнению Ч. Оумэна, Светоний должен был перевести легионы из Вирокония в Деву (Честер), располагавшуюся в устье реки Ди и являвшуюся естественной базой для всех военных операций в Северном Уэльсе⁵¹. Светоний прошел через область декеангов, живших на территориях Денбишира и Флинтшира, и вышел к побережью Ирландского моря.

По словам Тацита (*Ann.*, XIV, 29, 2), целью Светония был захват острова Моны (Англси). Плодородный остров являлся житницей воинственного племени ордовиков и оплотом их сопротивления Риму, а также вообще убежищем для политических перебежчиков, не желавших мириться с римским завоеванием. На острове находились священные рощи друидов, и, по мнению исследователей, он являлся важным друидическим центром, «питавшим британский племенной национализм»⁵². Во время строительства аэродрома на Англси в 1942 г. появилась возможность проведения археологических раскопок, в результате которых было обнаружено большое количество предметов, являвшихся приношениями в святилище друидов, которые привозились паломниками из всех районов Британии в течение более двух столетий⁵³.

Светоний построил плоскодонные суда, на которых через пролив была перевезена пехота; всадники переправились по отмелям, а в более глубоких местах – вплавь, рядом с конями. Переправившись на остров, римляне были потрясены представившимся им поразительным зрелищем, описанию которого посвящен знаменитый пассаж Тацита: «На берегу стояло в полном вооружении вражеское войско, среди которого бегали женщины; похожие на фурий, в траурных одеяниях, с распущенными волосами, они держали в руках горящие факелы; бывшие тут же друиды с воздетыми к небу руками возносили к богам молитвы и исторгали проклятия» (*Ann.*, XIV, 30, 1).

⁵¹ Oman Ch. *England before the Norman Conquest*. P.73.

⁵² Shotter D. *Roman Britain*. London and New York, 2004. P.24.

⁵³ Frere Sh. *Britannia*. P.88.

Сначала, выбравшись на берег, при виде этого разворачивавшегося перед ними странного, какого-то сверхъестественного действия римляне стояли, по словам Тацита, «как будто парализованные», не сопротивляясь сыпавшимся на них ударам. Потом, вняв увещаниям своих командиров и уговаривая друг друга не бояться войска, состоящего из женщин и фанатиков, они перешли в наступление, убивая без разбора воинов, жрецов и женщин, бросая их в пламя разожженных друидами священных костров. Это была уже не битва, а массовая резня, по завершении которой Светоний отдал приказ вырубить священные рощи острова и разрушить алтари друидов. В этот момент он получил известие о начавшемся мощном восстании британцев на востоке страны.

Под командованием Светония, кроме вспомогательных войск, находились Четырнадцатый легион и часть Двадцатого. Остальные охраняли крепость в Роксетере или строили дороги и форты в Северном Уэльсе. Наместник решил направиться в Лондиний (Лондон), разместить там арсенал и склад продовольственных запасов и сделать город опорным пунктом для ведения военных действий против восставших. Лондиний подходил для этой цели. Он являлся центром коммуникаций в Британии. Если бы его удалось удержать, то прибывавшие с континента подкрепления могли бы, высаживаясь с кораблей в устье Темзы, сразу вступать в сражение с мятежниками. Лондиний впервые упомянут в рассказе Тацита о походе Светония после получения им известия о восстании Боудикки. Существовавший еще менее двадцати лет, это уже был самый деловой и самый населенный город Британии: «...город, хотя и не именовавшийся колонией, но весьма людный вследствие обилия в нем купцов и товаров», – говорит о нем Тацит (Ann., XIV, 33, 1). Таким образом, Лондиний представлял для Светония военную цель высшего значения.

Однако, чтобы преодолеть расстояние в 230 миль от о.Англси до Лондона, даже самой лучшей пехоте потребовался бы, по крайней мере, недельный срок, да еще при условии, что пехота шла бы всю неделю форсированным маршем. Светоний послал приказ направиться в Лондиний базировавшемуся в Глостере (Глевум) Второму легиону, которому было достаточно трех или четырех дней пути, чтобы прибыть в город. Сам полководец, предоставив пехоте следовать за ним с той скоростью, на какую она была способна, во весь опор поскакал в Лондиний во главе своей конницы. Вся страна полыхала в огне восстания; в любой момент Светоний мог встре-

тяться с несметным войском Боудикки, которое самой своей массой поглотило бы его не особенно многочисленный конный отряд. Однако ему удалось беспрепятственно добраться до города.

Лондиний представлял собой не обнесенный стенами, широко раскинувшийся город, в котором было множество лавок и военных складов. Он был совершенно не способен сам себя защитить. Правда, Р. Коллингвуд высказал предположение, что главный городской продовольственный склад должен был быть обнесен частоколом и укреплен траншеями и охранялся немногочисленным военным гарнизоном⁵⁴. За этими укреплениями могли бы укрыться, в крайнем случае, и жители города. Если бы Второй легион прибыл во время, то Светоний, имея его в своем распоряжении, а также свою конницу, городской военный гарнизон, жителей города, способных владеть оружием, получил бы, по крайней мере, шанс продержаться до прихода его основных сил.

Однако Второй легион обманул ожидания Светония. Поскольку возглавлявший легион легат в это время отсутствовал, то командование было поручено префекту лагеря Пению Постуму. Он растерялся и, боясь, как бы вверенный ему легион не постигла судьба недавно разбитого восставшими Девятого легиона, отказался выполнить приказ наместника и не привел Второй легион в Лондиний. Между тем британцы направлялись в сторону города: Лондиний явно был их следующей целью после взятия римской колонии в Колчестере. Для Светония дольше оставаться в городе с небольшим войском, которое он имел в своем распоряжении, было равносильно самоубийству. Он решил уйти из города, соединиться со своими основными силами и при малейшей возможности, несмотря на огромное неравенство сил, дать британцам решительную битву, чтобы защитить остальную часть провинции. «Он решает, – пишет Тацит, – пожертвовать этим городом ради спасения всего остального» (Ann., XIV, 33, 1). Взяв с собой тех, кто мог уйти с ним, Светоний оставил Лондиний. Британцы захватили город, и все оставшиеся жители – «те, кого удержали пол или преклонный возраст или привлекательность этого места, – были истреблены врагами» (Ibid.). Археологи, проводившие раскопки в Лондоне, нашли только слой пепла, оставшийся от Лондиния после того, как «люди Боудикки закончили свою работу»⁵⁵.

⁵⁴ Collingwood R.G., Myres J.N.L. Britain and the English Settlements. P.101.

⁵⁵ Ibid. P.102.

Вскоре та же участь постигла Веруламий (Сент-Альбанс), еще менее защищенный, чем Лондиний. Тацит рисует яркую и страшную картину гибели города. «Ведь восставшие не знали ни взятия в плен, ни продажи в рабство, ни каких-либо существующих на войне соглашений, но торопились резать, вешать, жечь, распинать, как бы в предвидении, что их не минует возмездие, и заранее отмщая себя» (Ann., XIV, 33, 2).

Д.Р. Дадли и Г. Уэбстер размышляют о том, почему Веруламий постигла та же участь, что и римскую колонию в Колчестере (ок. Камулодуна), и Лондиний. Веруламий был племенной столицей, главным городом катувеллаунов, многие из которых находились в рядах войска Боудикки. Однако Веруламий был романизированным городом, по мнению Дадли и Уэбстера, первым из городов провинции, получившим права муниципия. Жестокость, которую проявили по отношению к его жителям их восставшие соплеменники, показала, какая бездна отделяла проримски и антиримски настроенные элементы в британских общинах⁵⁶.

Восстание достигло своего пика. Были уничтожены три главных города провинции. По словам Тацита, число убитых римлян и проримски настроенных британцев доходило до 70 тыс. (Ann., XIV, 33, 2). Дадли и Уэбстер полагают, что эта цифра кажется чрезмерно большой, если учесть, что население Лондиния (включая его жителей и беженцев, пытавшихся найти укрытие в городе) насчитывало 25–30 тыс. человек. Однако Тацит говорит об этой цифре как об установленном факте, используя слово «constitit» – «известно». По предположению Дадли и Уэбстера, было проведено расследование для выяснения числа погибших или Светонием Паулином, когда восстание было подавлено, или специальной комиссией, посланной Нероном. Хотя имеют обыкновение преувеличивать цифры такого рода, но если включить в эти 70 тыс. не только жителей трех уничтоженных восставшими городов, но и всех проримски настроенных обитателей сельской местности, то в таком случае, может быть, приведенное Тацитом число убитых будет не так уж далеко от истины⁵⁷.

Когда Светоний соединился со своей пехотой, прибывшей с острова Моны, в его распоряжении оказались Четырнадцатый легион с вексилярными Двдцатого и подразделения вспомогательных войск, набранные из ближайших фортов – всего 10 тыс. воинов. Армия британцев, с которой римлянам предстояло встре-

⁵⁶ Dudley D.R., Webster G. The Rebellion of Boudicca. P.68–69.

⁵⁷ Ibid.

титься, была примерно в двадцать три раза многочисленнее⁵⁸. Однако все (от интуиции полководца до растущей нехватки продовольствия) подсказывало Светонию, что нужно незамедлительно дать сражение. Описание битвы, которое приводит Тацит, вызвало противоположные оценки исследователей. Отрицательно оценивал его Т. Моммзен, который называл Тацита «самым невоенным из всех писателей» и, в частности, вменял ему в вину, что из его рассказа невозможно понять, где происходило сражение⁵⁹.

Д.Р. Дадли и Г. Уэбстер полагали, что обвинение Тацита в отсутствии у него таланта военного историка не справедливо. Они писали: «Пусть он не способен показать нам на карте то место, где происходила битва, но (что более важно) он создает ясную картину того, как она происходила и какие имела особенности»⁶⁰. В самом деле, рассказ Тацита показывает (и Тацит сумел это прекрасно передать), что битва была организована и проведена в соответствии с классическими канонами римского военного искусства (Ann., XIV, 34–37).

Римляне расположились в защищенном сзади густым лесом узком ущелье, перед которым лежала открытая равнина. Легионеры, как обычно построились в центре, в три шеренги сомкнутым строем, легковооруженная пехота из вспомогательных войск стояла по обеим сторонам от них, на крайних флангах находилась конница.

Вскоре появилась распределенная по племенным подразделениям британская армия, казавшаяся несметной по численности по сравнению с небольшим войском Светония, и заполнила всю равнину, расположенную перед фронтом римских войск. По словам Тацита, британцы были исполнены такой самоуверенности, что взяли с собой жен, посадив их на повозки, размещенные у заднего края равнины, чтобы они могли насладиться зрелищем их победы. Шум огромного британского войска должен был казаться грозным ожидавшим начала сражения римлянам тем более, что они уже знали о жестокости, проявленной британцами в Лондинии и Веруламии. Светоний, однако, считал, что лучшее вооружение и дисциплина римлян дают шанс, который может оказаться решающим и принести победу. Тацит перелагает речь Светония, обращенную к римским воинам и представляющую наказ полководца солдатам, как им действовать в предстоящем сражении: «Только пусть они не расстраивают рядов и, метнув дротики, про-

⁵⁸ Frere Sh. *Britannia*. P.91.

⁵⁹ Моммзен Т. *История Рима*. С.162.

⁶⁰ Dudley D.R., Webster G. *The Rebellion of Boudicca*. P.75.

должают непрерывно поражать и уничтожать неприятеля выпуклостями щитов и мечами и не думают о добыче. После того, как они одержат победу, все достанется им» (Ann., XIV, 36, 2).

Атака британцев была мощной, какой всегда бывала кельтская атака. Для римской стороны было очень важно точно рассчитать время, когда начинать бой. Светоний сделал это мастерски. Он ждал до последней минуты и отдал приказ своим воинам метнуть дротики только тогда, когда, по слова Тацита, «враги подступили на расстояние верного удара» (Ann., XIV, 37, 1). Выпустив все свои дротики, легионеры выхватили мечи и, построившись клином, бросились на британцев, глубоко врезавшись в их ряды. В рукопашной схватке римляне одерживали верх, поскольку колющие римские мечи, имевшие большое преимущество по сравнению с неуклюжими рубящими кельтскими мечами, давали им возможность действовать гораздо более эффективно, чем действовали их противники. Атака легионеров расстроила ряды британцев и разметала их по всей равнине. Затем на них напали легко вооруженные пехотинцы из вспомогательных войск, начавшие теснить их на флангах. На третьей стадии боя в атаку пошла римская конница: «Ринулись на неприятеля, – говорит Тацит, – и всадники с копьями наперевес, смявшие преграждавших им путь и оказывавших сопротивление» (Ann., XIV, 37, 1).

После этого британское войско обратилось в бегство. Фатальным препятствием на пути отступавших британцев оказались их собственные повозки, которые перед началом сражения они расставили по краям равнины и на которых сидели их женщины. Переворачивая повозки, убивая запряженных в них лошадей, римляне как бы поймали в ловушку пытавшихся прорваться через эти нагромождения британцев и не щадили ни мужчин, ни женщин. Это обстоятельство привело к огромному неравенству в потерях убитыми и ранеными: 80 тыс. убитых с британской стороны и 400 – с римской, плюс не намного большее количество раненых. Цифры, приведенные Тацитом, не считаются достоверными, но исследователи соглашались с общим вердиктом, который он выносит этому сражению: «Одержанная в тот день победа не уступает в блеске и славе знаменитым победам древности» (Ibid., 2). Д.Р. Дадли и Г. Уэбстер сравнивают ее с победой Мария при Аквах Секстиевых (102 г. до н.э.)⁶¹. Сражение было окончено. Боудикка выпила чашу с ядом. А префект лагеря Второго легиона Пенний Постум, не пришедший на помощь Светонию, когда тот находился в Лондини, узнав о блестящей победе

⁶¹ Dudley D.R., Webster G. The Rebellion of Boudicca. P.76.

воинов Четырнадцатого и Двадцатого легионов, бросился на свой меч, «ибо, – по словам Тацита, – лишил свой легион той же славы, не выполнив вопреки воинскому уставу приказ полководца» (Ibid., 3).

Несмотря на одержанную победу, Светонию предстояло еще привести к покорности британские племена по всей провинции, так как вследствие недавних трагических событий местные римские власти практически исчезли. Чтобы полководец мог справиться с этой задачей, следовало усилить римскую полевую армию. С континента были посланы две тысячи легионеров, чтобы заменить погибшую пехоту Девятого легиона, восемь когорт вспомогательных войск и тысяча всадников. Получив эти подкрепления, Светоний прошел по всем мятежным регионам, опустошая их «огнем и мечом». Кроме жестокости полководца, британцы страдали из-за усиливавшегося голода. Весной, в разгар восстания, поля остались незасеянными частично, потому что почти все мужчины присоединились к восстанию, частично, потому что они надеялись воспользоваться запасами продовольствия, предназначавшимися для римской армии и хранившимися на складах в Лондинии.

В это время в провинцию был прислан новый прокуратор Юлий Классициан взамен прежнего, бежавшего в Галлию Ката Дециана, бесчинства которого явились одной из важных причин восстания Боудикки. Если Светоний стремился полностью подчинить британские племена и отплатить им равной мерой за жестокость, которую они проявляли в ходе восстания, то перед Классицианом была поставлена другая задача – способствовать урегулированию отношений между Римом и британцами и начать восстановление разрушенной провинции, прежде имевшей значительные, а теперь иссякшие источники дохода, который поступал в римскую казну. Классициан, может быть, как никто другой подходил для решения этой задачи.

Классициан умер в Британии, исполняя обязанности прокуратора, и был похоронен в Лондинии. Его надгробие было обнаружено и хранится в Британском музее⁶². Представленная на нем эпитафия дает интересные биографические сведения о Классициане. Как показывает его имя (Гай Юлий Альпин Классициан), он происходил из влиятельной семьи Альпинов из племени треверов (около Трира); его отец или дед получил римское гражданство самое позднее от Августа, а, может быть, от самого Цезаря. Его женой была Юлия Паката, дочь Инда. Юлий Инд был в свое время хорошо известным человеком, происходившим из того же района

⁶² Frere Sh. *Britannia*. P.92.

Галлии, что и Классициан. Он принял римскую сторону во время восстания Флора в 21 г. н.э.; поднятый им конный полк, *Ala Indiana*, позднее составлял часть римского гарнизона в Британии. Таким образом, Классициан был представителем новой провинциальной служилой аристократии, которая начинала принимать все большее участие в имперском управлении. Он мог встать и на точку зрения римлян, и на точку зрения провинциалов и верил, что обе эти точки зрения могут быть примирены так, чтобы в романизированной провинции царили справедливость и цивилизация.

Когда Классициан прибыл в Британию и ознакомился с положением дел, он стал умолять Нерона отозвать Светония и прислать более гуманного наместника, который стал бы проводить политику примирения с местным населением и возрождения провинции вместо того, чтобы усугублять тяжелые последствия случившейся катастрофы. Император послал в Британию следственную комиссию под руководством своего секретаря, вольноотпущенника Поликлита, с приказом урегулировать разногласия между Классицианом и Светонием и взять под контроль умиротворение мятежников; поскольку, несмотря на жестокость наместника, восставшие племена даже и теперь отказывались формально подчиниться Риму. Ходили слухи, что они поступали так по совету прокуратора, уверявшего, «что вскоре должен прибыть новый легат, который без злобы к противнику и свойственного победителю высокомерия милостиво отнесется к сдавшимся» (Тас., *Ann.*, XIV, 38, 3).

Комиссия решила, что следует прекратить карательные экспедиции против местного населения. Светонию, который был солдатом до мозга костей, казалось, что милосердие по отношению к местным жителям это просто другое название для слабости; и он отказался подчиниться решению комиссии. Нерон вынужден был отозвать его под предлогом неудачной операции, проведенной его флотом. Военные действия против мятежников были прекращены, и осенью (61 г.) в Британию был прислан новый наместник Петроний Турпилиан, которому были даны инструкции примириться с подданными провинции и сохранять мир. Эти инструкции он честно выполнял.

В древней и современной историографии высказывались различные оценочные суждения по поводу восстания Боудикки. Тацит пошел по пути поиска главного персонажа (из тех, что принимали участие в событиях этих лет), деятельность которого имела наибольшее значение. И Тацит своей, по справедливому выражению Р.Г. Коллингвуда, «несравненной прозой»⁶³ создает образ такого героя. Это –

⁶³ Collingwood R.G., Myres J.N.L. *Britain and the English Settlements*. P.103.

Светоний, прекрасный полководец, одержавший блестящую победу и подавивший восстание, но презираемый и отвергнутый злобным императором, от лица которого действовал прокуратор Юлий Классициан. По словам Тацита, Классициан, «неприятно относясь к Светонию, из личной вражды препятствовал общему благу». Неудачи Светония он объяснял «его непригодностью, а успехи – благоприятствованием судьбы» (Ann., XIV, 38, 3). Назначенцы же императора Классициан и новый наместник Турпилиан – для Тацита, жалкие, корыстные, трусливые люди. О мирной политике, которую проводил в Британии Турпилиан, Тацит пишет: «Тот, не раздражая врагов и не тревожимый ими, пребывал в ленивом бездействии, которому присвоил благопристойное наименование мира» (Ibid., 39, 3).

В отечественной историографии М.И. Тинибекова⁶⁴, написавшая основательную, хотя и тенденциозную, статью о восстании Боудикки, оценила его как самое крупное восстание в Британии «в период римской оккупации острова», как одно «из многочисленных выступлений, которые имели место в различных провинциях римского государства». По ее словам, «нигде местное население не мирилось с римским господством, активно вступая в борьбу с ним»⁶⁵.

Английские историки, которым, естественно, дорого прошлое их страны, стоят на иных позициях. Они пошли по проложенному Тацитом пути поисков главного героя описанных им событий, причем такого персонажа, деятельность которого принесла благо Британии. Их точку зрения лучше всего высказал Р.Г. Коллингвуд, с которым согласились и другие исследователи⁶⁶. Коллингвуд писал, что Каратак всегда и справедливо считался национальным героем британского народа. Он был вождем британского сопротивления и даже, когда он проиграл борьбу с Римом, к нему с одинаковым уважением относились и победители, и побежденные. Боудикке же, как это ни печально, приходится отказать в праве на этот титул, потому что «ее история с самого начала до самого конца – это история ужаса и позора, история, рассказывающая о событиях, которые никогда не должны происходить». Для Коллингвуда и других английских исследователей подлинный герой восстания Боудикки –

⁶⁴ Тинибекова М.И. Восстание Боудикки // Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Т. 189. Всеобщая история. Выпуск 9 / Под ред. А.С. Самойло. М., 1967. С.117–137.

⁶⁵ Там же. С.137.

⁶⁶ Frere Sh. Britannia. P.92; Dudley D.R., Webster G. The Rebellion of Boudicca. P.78–79.

это Классисиан, «который противостоял Светонию в час его победы как защитник британского народа»⁶⁷. В самом деле, Классисиан, положивший конец кровопролитной войне между римлянами и британцами, способствовал возрождению Британии и возобновлению процесса романизации, благодаря которой Британия, в конце концов, оказалась вписанной в систему античных экономических, политических и культурных ценностей, составляющих основу единства современной Европы. Надгробие Классисиана, хранящееся в Британском музее, считается национальным достоянием Британии.

N.S. Shirokova

**British resistance in the war with Rome after
Claudian invasion (43 CE): Caratacus and Boudicca**

The article deals with the events of British resistance to Roman conquest in the period from the end of the forties to the beginning of the Sixties of the first century A.D. There were two heroes of these events: Caratacus, the king of the Catuvellauni, who headed the fight of Britons against Romans at the end of forties and at the beginning of the fifties; and the wife of the Iceni king's Prasutagus, Boudicca, whose rising against Rome is called «the Great Rebellion» (it dates by the beginning of the Sixties).

This antiroman movement revealed that Roman conquest of Britain was a long and difficult process. The civilization of Roman Britain, sprung up at the end of this process, was «a synthesis of things Roman and Celtic» (Frere Sh. *Britannia. A history of Roman Britain*. London, 1967. P.1). In this synthesis Celtic element proved to be a very vigorous because of the peculiarity of British Celts national character. It is especially in their stubborn struggle against Romans for liberty and independence that British Celts showed their national character.

⁶⁷ Collingwood R.G., Myres J.N.L. *Britain and the English Settlements*. P.104.